

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

"Познайте лик благотворителя вашего..."

Когда говорят о графе Александре Ланжероне, первым делом вспоминают, что при нем ввели порто-франко и открыли Ришельевский лицей. В тени этих событий осталось многое, что граф еще сделал, не успев закончить, не успев начать, но очень хотел, чтобы это сделали.

20 сентября 1822 года, оставив высокую должность, Ланжерон на заседании Одесского комитета, который заведовал всеми городскими делами, говорил добрые слова в память о покойном Дюке: "Сердца признательные и начальство внимательное к той твердой основе, на коей поставил он Одессу своим отеческим управлением, дадут неоспоримо священный обет соорудить дюку де Ришелье памятник, достойный сего редкого друга человечества". С того самого времени этот обет стал преемственным для одесских властей и имущих.

Через три года после наименования улицы Ришелье открыли Ришельевский лицей, в пользу которого герцог отписал изрядную сумму. Это были своего рода памятники при жизни, предшествовавшие тому памятнику, о котором первым заговорил Ланжерон. Конечно, памятник еще не есть память, это, скорее, бронзовый символ памяти, но без него она с течением времени и сменой поколений может растаять, как паруса в морской дали.

17 июля 1822 года преемником Ланжерона стал боевой генерал, кавалер многих орденов Иван Инзов. Передавая дела Инзову, Ланжерон, возможно, говорил с ним о памятнике Ришелье, поскольку тот чуть ли не сразу обратился к императору Александру I с просьбой разрешить сбор средств на сооружение одного, которое и было получено. Инзов лишь десять месяцев управлял Новороссийским краем, но за это время претворению в жизнь идеи графа Ланжерона начало положил.

21 июля 1823 года в Одессу приехал назначенный новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области граф Михаил Воронцов и уже в конце года обратился к выдающемуся скульптору-монументалисту академику Ивану Мартосу с предложением за сорок тысяч рублей принять на себя изготовление памятника герцогу Ришелье для Одессы.

Мартос отписал Воронцову свое согласие, намерение работы по ее изготовлению завершить через полтора года, а эскиз скульптуры и пьедестала представить "по сделанию" их. А еще он не без гордости сообщал, что вся скульптура "будет отлита из бронзы, не из составных частей, как то делают во Франции и в других местах, но вся цельная, вылитая в один раз и отделанная во всех частях в возможном совершенстве". Такое не все умели, но работы Мартоса отливал в бронзе искуснейший мастер этого дела Якимов, который участвовал и в отливке Медного всадника.

В архитекторы памятника определили академика Академии художеств Авраама Мельникова, который приходился Мартосу зятем, но не о пресловутой семейственности может идти речь, а о творческом содружестве мастеров. И при проектировании памятника соавтором Мельникова, руководителем работ по его установке и членом составленной для этого комиссии был архитектор Боффо.

Кроме него туда входили достойные люди, большинство которых не просто жили с Дюком на одном отрезке одесского времени, но были связаны с ним знакомством, службой или дружбой. Известный археолог, член-корреспондент Академии надписей и изящных искусств в Париже, керчь-еникальский градоначальник Иван Стемпковский — единственный, кто 27 сентября 1814 года в качестве

адъютанта сопровождал уехавшего из Одессы Ришелье. Негоциант, основатель одного из первых в Одессе банковских домов барон Жан Рено. Коммерции советник Карл Сикар, автор книги "Письма об Одессе", близкий друг Ришелье, добрый знакомый А.С. Пушкина. Купцы 1-й гильдии: городской голова, коммерции советник Филипп Лучич, бывший городской голова, потомственный почетный гражданин Иван Амвросио, домовладелец Алексей Попов, один из первопоселенцев Одессы, подрядчик и благотворитель Семен Андросов. Купец, член исполнительного комитета Одесского греческого филантропического общества Александр Мавро.

Работы и заботы о сооружении памятника были, конечно, вне поля зрения одесситов. Первым же публичным этапом этого 30 июля 1827-го стала закладка памятника в центре нынешнего Приморского бульвара, устройство которого началось при Ланжероне. Еще не разрослись там до спасительной тени деревья, посаженные городским садовником Гансом Германом, не было лестницы и биржи, но уже ласкали взгляд только что построенные или строящиеся полуциркульные здания, дома и дворцы.

К 10 часам утра сюда прибыли духовенство, временно состоявший в должности градоначальника действительный статский советник Степан Могилевский, гражданские чиновники, члены комиссии по строительству памятника, директор Ришельевского лицея доктор медицины Иван Орлай, профессора и воспитанники лицея, именитые купцы, консулы иностранных государств, множество других людей. Главные участники церемонии расположились на возвышении возле котлована, в котором уже был устроен фундамент. После молебствия и освящения места будущего памятника духовные и начальственные лица спустились в котлован и в углубление самого большого камня уложили то, чему предназначено было оставаться там все остальные времена. Положены были монеты, чеканенные во Франции и России при Людовике XVI, Екатерине II, Павле I, Александре I и Людовике XVIII, которым Дюк имел честь и верность служить за последние пятьдесят шесть лет своей жизни, и несколько серебряных российских монет 1827 года. Помимо монет положили выпущенную на Санкт-Петербургском монетном дворе медаль "В память коронации императора Николая I 22 августа 1826 года" и другую, которую привезли из Парижа.

К выпуску этой бронзовой медали вскоре после смерти Дюка усердие и деньги свои употребил состоявший ректором Парижской академии первый директор Ришельевского лицея, давний, школьный приятель Ришелье аббат Доминик Николь. На лицевой стороне медали было рельефное профильное изображение герцога в мундире первого министра Франции, с наградами, надписи "Арман Дюплесси герцог де Ришелье пэр Франции", подписи автора "Дьедонне" и "Сделал и издал". На оборотной стороне — одна надпись "Основатель Одессы в 1803 году. Цивилизовал Крым. Первый министр короля Франции в 1814. Освободитель своего отечества на Ахенском конгрессе. Родился в Бордо в 1766. Умер в Париже в 1822". Надписи исполнены на французском языке, но ошибка — она и на французском ошибка. При всем преклонении перед памятью о Ришелье — нужно признать, что он не основал Одессу в 1803 году, а по рескрипту императрицы Екатерины II в 1794-м это сделал адмирал Иосиф де Рибас. Другое дело, что когда Ришелье прибыл в Одессу, она была, скорее, названием, нежели городом. И оставлял он город, где жителей было уже

тридцать пять тысяч и Городской театр виднелся с моря на подходе к гавани. Стало быть, аббат Николь, который, скорее всего, сочинял надписи на медали, в переносном смысле был не так уж далек от истины.

Нишу, в которую уложили монеты и медали, накрыли медной закладной доской с подобающей такому случаю надписью (публикуется с сохранением орфографии оригинала): "Лета 1822, в Царствование Императора АЛЕКСАНДРА I, при Новороссийском Генерал-Губернаторе Генерале от Инфантерии Графе Ланжероне, и Одесском Градоначальнике Графе Гурьеве, жители города Одессы и губернии: Екатеринославской, Херсонской и Таврической, в ознаменование благодарности своей к незабвенным трудам Герцога Эммануила де Ришелье, родившегося в Париже 14/25 Сентября 1766, управлявшего Одессою с 1803, а Губерниями Новороссийскими с 1805 и по 1814 год, положившем основание благосостоянию сего города и края мудрым и отеческим попечением, скончавшегося в Париже 5/17 Мая 1822, единодушным движением определили соорудить сей памятник, с бронзовым его изображением, посредством добровольных приношений от всех сословий. Предприятие сие совершено, и сей основной камень памятника положен в Царствование Императора НИКОЛАЯ I, лета 1827 Июля 30, при Новороссийском Генерал-Губернаторе Генерале от Инфантерии Графе Воронцове, а за отсутствием, при правящем его должности Одесском Градоначальнике Тайном Советнике Графе Палене, и при правящем должности Градоначальника Действительном Статском Советнике Могилевском. Членами Комиссии о сооружении памятника были: Полковник И. Стемпковский, Коммерции-Советники: Барон И.Рено, К. Сикард, и Ф. Лучич; Одесские купцы И. Амвросио, А. Попов, С. Андросов и А. Мавро. Статуя и барельефы работы Ректора Императорской Академии Художеств, Действительного Статского Советника И. Мартоса; из бронзы отлит в С.Петербурге Академик Якимов. При сооружении памятника находился Одесский Архитектор Боффо".

Текст доски, гравированный по всем правилам тогдашнего правописания, уважительного к высоким особам, их должностям, званиям и титулам, являет собой "биографию" первого памятника в Одессе.

Когда доска была уложена, протоиерей собора Нестор Селинов сын Святенков говорил речь, в которой, по словам слышавшего ее, "изобразил высокие качества покойного герцога и благотворное действие его управления, память которого предназначено увековечить воздвигаемым ныне монументом".

После закладки газета "Одесский вестник" не замедлила сообщить читателям о том, что надеется еще в нынешнем году известить их о "сооружении и открытии памятника, весьма близкого к окончанию". Действительно: закладка памятника была, скорее, данью традиции, нежели началом его создания. К тому времени скульптура Дюка уже была отлита Якимовым и обработана Мартосом в Петербурге. В Одессе каменных дел мастер из местных итальянцев Пьетро Дженаери закончил работу над постаментом, который через короткое время был поставлен там, где ему надлежало стоять.

А бронзовая скульптура, тщательно запереленная рогами и надежно закрепленная канатами, на четырехосной крытой повозке повторила путь в 1726 верст из Петербурга в Одессу, который двадцать четыре годами раньше проделал Дюк. По словам Мартоса, "фигура герцога Ришелье изображена

в момент шествующим, правой рукой показывая на наполненном кораблями Черное море, а левой рукой держит хартию, которая есть атрибут великих подвигов и добродетелей". Момент этот был выбран в полном правдоподобии, поскольку Дюк неизменно пребывал в движении телесном и умственном, без чего не видел бы то, что имел интерес видеть, и не сделал бы то, что сделал.

Дюк изображен в тоге, в складках которой на левом его боку прячется короткий римский меч, о чем даже не все одесситы знают, не говоря уже о приезжих. Если же, к примеру, с помощью вышки для ремонта электрических проводов оказаться со скульптурой, что называется, лицом к лицу, можно заметить, что лицо Дюка несколько удлинено, и это не есть ошибка или недосмотр. С давних пор авторы монументальной скульптуры, принимая в расчет точку, с которой ее будут рассматривать, удлиняли верхнюю часть тела, в первую очередь — лицо, чтобы снизу вследствие оптического эффекта оно не представлялось уменьшенным.

24 сентября 1827 года скульптуру водрузили на пьедестал, который Мартос предлагал из гранита, добытого в Полтавской губернии. Но херсонский помещик Скаронинский подарили комиссии по сооружению памятника гранит из карьеров возле местечка Трикраты в 15 верстах от Вознесенска. Отказаться от такого смысла не было, Дженаери свое дело знал не хуже полтавских каменотесов и пьедестал сделал из этого гранита. Установили же его не совсем так, как это предусмотрел Мартос. Боффо посчитал, что памятник должен стать центром архитектурного ансамбля, который будет включать и два полуциркульных здания, но для этого высота его окажется недостаточной. К тому же Екатерининская площадь имела уклон к бульвару, порт был много ниже бульвара, а потому памятник будет лучше смотреться с обеих сторон, если высоту его увеличить. Комиссия согласилась с Боффо, и постамент был поставлен не прямо на землю, а поднят над нею на четыре ступени.

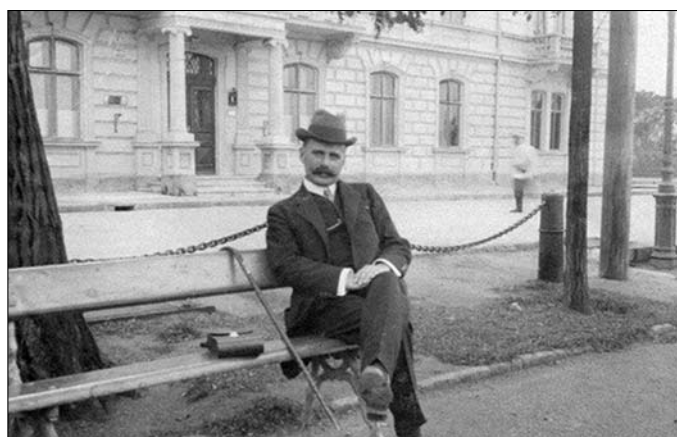
На каждой из четырех граней пьедестала Дженаери вырубил неглубокую нишу, в трех из которых установили горельефы "Торговля", "Земледелие" и "Правосудие".

Торговлю представляет ее древнеримский бог-покровитель Меркурий — полуобнаженный стройный молодой человек в крылатом шлеме, с кадуцеем в правой руке и мешочком с монетами в левой. У его ног лежат два тюка с товарами и мешок, из которого высыплются монеты, а позади виден силуэт корабля как привязка к портовому городу Одесса.

Земледелие символизирует древнеримская же богиня плодородия, произрастания и созревания злаков Церера, изображенная в образе красивой молодой женщины, изящно задрапированной в одеяние, которое не скрывает то, что грешно скрывать. Слева от нее — рог изобилия и лопата, а у ног лежат колосья пшеницы, торговля которой обогащала Одессу.

Правосудие олицетворяет древнегреческая богиня Фемиды — лицом и прической похожая на Цереру и столь же молодая женщина, на которую честному человеку мужского пола смотреть только приятно. В грациозно изогнутой правой руке она держит весы, левой же опирается на каменный массив, незыблемый, каким должно быть правосудие. А на глазах ее нет повязки и не должно быть, поскольку она имеет только на скульптурах древнеримской богини Юстиции, которую мы частенько принимаем за Фемиду. Справа от Фемиды стоит страус, что есть уже образ из мифологии Древнего Египта, где перо этой птицы было атрибутом богини истины и пра-

ВИДЫ ПРИМОРСКОГО БУЛЬВАРА ИЗ ПРОЕКТА "СТАРАЯ ОДЕССА В ФОТОГРАФИЯХ"

восудия Маат. Изобразив Фемиду вместе со страусом, Мартос ничего не придумал, такое можно увидеть и на картине неаполитанского художника Луки Джордано конца XVII века.

Много позже — по словам старожилов, это случилось в конце 1930-х годов — горельеф "Правосудие" украли. Потом началась война, потом началось "после войны", и несколько десятилетий на постаменте памятника со стороны Екатерининской площади пустая ниша напоминала об исчезнувшем горельефе. Утрата правосудия в любом его виде сама по себе печальна. Но в этом случае слабеньким утешением стала появившаяся возможность в прямом смысле слова прикоснуться к одной из страниц истории Одессы в целом и памятника в частности. В Страстную субботу 10 апреля 1854 года, во время Крымской войны, соединенная англо-французская эскадра бомбардировала Одессу и Приморский бульвар буквально забросала ядрами. Одно из них угодило в ребро постамент памятника между горельефами "Земледелие" и "Правосудие" и отбило кусок гранита. Дабы не стерлась память об этом грустном событии, сделали пустотелую копию ядра и железной пластиной с вырезанной на ней надписью "Стр. Суб. 1854" прикрепили в месте его попадания. И еще много последующих лет малолетние одесситы со слов бабушек и дедушек знали об этом, а Валентин Катаев в книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" даже написал: "Больше всего меня тревожил вопрос: куда девался осколок гранита, отбитый бомбой? Бомба нашлась, а где осколок гранита? Он должен быть где-то здесь, поблизости. Я был уверен, что найду его среди крупного, отборного морского гравия, которым щедро посыпали дорожки Николаевского бульвара и в особенности площадку вокруг Дюка". Куда девался вождельный для Катаева осколок, никто не знал, но, когда не было горельефа, можно было завести руку в зазор между постаментом и железной пластиной и нащупать скол гранита — каменный "автограф" бомбардировки 1854 года.

Потом отыскивали фотографию утраченного горельефа, сделали его копию, навели патину и вернули туда, где его привыкли видеть одесситы и разглядывать приезжие. Но ни тем, ни другим не ведомо было, что первоначальным своим появлением он обязан графу Воронцову. Мартос хотел украсить постамент лишь горельефами "Торговля" и "Земледелие", о чем сообщил Воронцову. А граф попросил его добавить горельеф "с изображением в аллегорическом виде Правосудия, который отличался покойный герцог Ришелье и без которого ни торговля, ни земледелие не могли процветать". И скульптору пришлось

отказаться от намерения поставить на том месте бронзовую доску, такую же, как на лицевой, обращенной к морю, стороне памятника, только с надписью на французском языке.

Бронзовая же доска с надписью на русском языке была позолочена старинным, теперь не применяющимся способом огневого золочения, почему позолота, неподвластная времени, автомобильным выхлопам и атмосферной влаге, еще хорошо сохранилась. И надпись на доске этой можно легко прочитать (орфография оригинала): "ГЕРЦОГУ ЕММАНУИЛУ ДЕ РИШЕЛЬЕ УПРАВЛЯВШЕМУ С 1803 ПО 1814 ГОД НОВОРОССИЙСКИМ КРАЕМ И ПОЛОЖИВШЕМУ ОСНОВАНИЕ БЛАГОСОСТОЯНИЮ ОДЕССЫ БЛАГОДАРНЫЕ К НЕЗАБВЕННЫМ ЕГО ТРУДАМ ЖИТЕЛИ ВСЕХ СОСЛОВИЙ СЕГО ГОРОДА И ГУБЕРНИИ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ХЕРСОНСКОЙ И ТАВРИЧЕСКОЙ ВОЗДВИГЛИ ПАМЯТНИК СЕЙ ВЪ 1826 ГОДЕ ПРИ НОВОРОССИЙСКОМ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЕ ГРАФЕ ВОРОНЦОВЕ".

Эта надпись вела в заблуждение даже историка Аполлона Скальковского, который приехал после открытия памятника и в изданном в 1837 году труде "Первое тридцатилетие истории города Одессы" написал, что он был открыт в 1826 году. Проходит все, забывается многое, и теперь можно лишь предположить, что доска с надписью, равно как скульптура и горельефы, скорее всего, была готова в том году, в котором и предполагалось открытие памятника, но его пришлось отложить из-за частых отлучек Воронцова. В конце мая он отбыл за границу. С июля по октябрь граф был в Аккермане, который еще не носил нелепое название Белгород-Днестровский, где возглавлял делегацию на переговорах с Турцией. В январе 1827 года Воронцов вместе с супругой Елизаветой Ксавьерьевной уже был в Англии, куда отправился навестить отца, откуда через Брюссель и Берлин приехал в середине октября, но не в Одессу, а в Петербург. А памятник, законченный всеми работами, стоял, накрытый пологом.

Его заложили, когда Воронцова в Одессе еще не было, а исполнявший его должность граф Федор Пален десятью днями раньше уехал обозревать губернии. Но открывать памятник в отсутствие Воронцова было негже не только потому, что он состоял высшим начальствующим лицом в крае, но потому, что работа над памятником началась при его участии и проект согласовал он. В Одессу же Воронцов вернулся лишь 24 февраля 1828 года. Какое-то время, наверное, потребовалось, чтобы принять дела у Палена, который сложил свои временные полномочия.

18 апреля 1828 года, наконец, было объявлено, что открытие памятника имеет быть

в субботу, 21 апреля, в день тезоименитства Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. Но к этому дню приурочить торжественное событие не удалось, поскольку в пятницу небо заволочено тучами, а с утра субботы пошел дождь и продолжался до самого вечера. Но 22 апреля природа улыбнулась ясной погодой, и после божественной литургии в Преображенском соборе начальствующие гражданские и военные чины прибыли на бульвар, где собралось множество людей, среди которых уже были те, которые родились в этом городе, выросли, имели своих детей и стали родоначальниками семейств коренных одесситов. Перед памятником в торжественном строю застыл батальон Уфимского пехотного полка, по углам легкой решетки, окружавшей памятник, развевались российский, английский, французский и австрийский флаги.

Когда все заняли предназначенные им места, зачитали императорское повеление, "дозволяющее одесским жителям соорудить памятник мудрому и добродетельнейшему правителю, положившему незабываемое основание благоденствию Южной России". Проникновенно звучали слова протоиерея Петра Куницкого (сохранена орфография источника): "Коль преславное, коль знаменитое и многочисленное собрание украшает ныне место сие, на берегу Понта Эвксинского, в круге небосклона одесского! Что виною толикоохотного поспешения сюда разных чинов и достоинств, разного пола и возраста лиц? Я вижу: взоры всех обращены на сие покровенное возвышение. Да снимется покров, и узрим, что кроется под оным, узрим предмет общего внимания". На этих словах протоиерея грянула пушечная пальба с ошвартованных в гавани кораблей, упало покрывало, и бронзовый Дюк впервые глянул на голубые воды Одесского залива. "Так, это он! Это незабвенный благодетель Одессы Эммануил Осипович дюк де Ришелье! — продолжал протоиерей. — Граждане Одессы! Познайте лик благотворителя вашего, укажите его чадам вашим и чадам чад ваших, поведайте им в потомственное предание вся, елико сотвори муж сей для вас во дни правления своего. <...> Монарх благосердечнейший избрал мужа по сердцу своего, знаменитого по происхождению и великого по душе, Герцога Эммануила Осиповича дюка де Ришелье для восстановления и утверждения падающего града. <...> Тако благодетельный муж, оправдав выбор Великого Монарха, в короткое время мудрыми распоряжениями и неусыпным попечением поставил Одессу на ряду со многими цветущими торговлею и устройством городами. И чего он только ни сделал во дни своего здесь правле-

ния, по мере возможности? Первые Божественные храмы его содействием воздвигнуты, святилища наук его попечительностью и пожертвованием основаны, пристанища для мореходцев его деятельностью утверждены, сухие окрестности града, быв дотоле лишены всяких древесных насаждений, по его примеру и настоянию обратились в приятные рощи и плодоносные сады, и прочие благоудные и общепользные заведения при нем восприяли свое начало. Словом, никакой отец семейства не может иметь лучшего попечения о детях своих, какое имел муж сей о пользах и выгодах граждан Одессы. <...> Торжеству добродетель! Твои питомцы веками живут в сердцах признательного потомства и в памятниках, благодарностью воздвигаемых. Красуйся, Одесса, новым украшением! Веселись и радуйся, взирая на памятник, достойно воздвигнутый благодетелю твоему, и буди счастлива продолжением правления подобных строителей благоденствия твоего, совершенствующих оное новыми благородными зданиями — новым общепользным устройством; да и их лики возвеличат украшение твое во время свое..."

Потом взволнованный Карл Сикар говорил речь на французском языке, профессор Ришельевского лицея Павел Архангельский — на русском, а профессор итальянской словесности лицея Антон Пиллер — на итальянском. После речей, отдавая воинские почести генерал-лейтенанту герцогу Ришелье, вокруг памятника церемониальным маршем прошел батальон Уфимского пехотного полка, и на этом церемония закончилась.

В час полудни генерал-губернатор дал торжественный завтрак для официальных лиц, на котором после ритуального первого тоста за здоровье императора и всего августейшего дома вторым почтили память дюка де Ришелье. Вечером пьедестал памятника был иллюминирован фонариками, в которых, потрескивая, сгорали фитили, погруженные в очищенное конопляное масло, и люди все приходили и приходили по собственной воле своей...

Семьдесят пять лет пролетело над морем, городом и памятником, когда в городскую думу поступила бумага, которую не то чтобы подсухо положить, но задержать ее исполнение ни у кого не хватило бы ни совести, ни желания (сохранена орфография оригинала): "В виду исполнившегося 9.03.1903 г. столетия со времени прибытия в Одессу приснопамятного герцога де Ришелье Императорское Одесское Общество Истории и Древностей ходатайствует перед одесским. Гродским Общественным управлением о том, чтобы оно увековечило память об этом событии помещением на том месте, где находилось жилище герцога в Одессе (городской дом на углу Ришельевской улице и Ланжероновской переулка (Ланжероновской улицы, — Р. А.)) мраморной доски с обозначением о том, что здесь жил дюк де Ришелье в 1803 — 1814 годах. Председательствующий совета Э. фон Штерн, секретарь Ал. Маркевич". Правда, Ришелье не сразу поселился в доме на углу Ришельевской и Ланжероновской, но потом жил и работал там до самого отъезда. 26 марта городская управа сообщила думе, что она (сохранена орфография оригинала) "вполне разделяет мнение Императорского Одесского Общества Истории и Древностей и находит необходимым прибить мраморную доску на доме где жил дюк де Ришелье". Тут по ходу переписки вкралась еще одна неточность: доску предполагалось установить, как указывалось в ходатайстве Общества, на принадлежащем городу доме, который был построен на месте снесенного дома Ришелье и сдавался в аренду под гостиницу с несчастливым названием "Ришелье". Дума на заседании 28 марта постановила "для увековечения памяти исполнившегося 9-го сего марта столетия со времени прибытия в Одессу герцога де Ришелье прибить мраморную доску с соответствующей надписью на доме, в котором жил дюк де Ришелье". Неточность опять всплыла, но главное — память. А она по-разному может проявляться. Когда молодая мама, демонстрируя эрудицию своего маленького сына, просит: "Мишенька, покажи, где дядя Дюк", — и Мишенька протягивает ручку в сторону памятника, это тоже память. В неповторимом одесском варианте.

"СТАРАЯ ОДЕССА В ФОТОГРАФИЯХ": WWW.VIKNAODESSA.OD.UA

